

УДК 343.2/7

Анастасия Алексеевна ПОСТОЯЛКО,

аспирантка кафедры уголовного права, криминологии
и уголовного процесса Института государства и права
Байкальского государственного университета (г. Иркутск)
anas.alex.postoyalko@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОБУЖДЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

CRIMINAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERING THE ORGANIZATION OF ACTIVITY AIMED AT INCITEMENT TO SUICIDE

В статье анализируется такое общественно опасное деяние, как доведение до самоубийства. Осложненная криминальная ситуация в данной сфере берет начало с 2016 года и не имеет тенденции к уменьшению на сегодняшний день. Диспозиции статей 110, 110.1, 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации порождают их различное толкование. Так, до сих пор не ясно, по какому признаку разграничивать составы преступления между собой. В статье отмечаются положительные стороны, а также критикуется ряд положений, связанных с уголовной ответственностью за преступление, предусмотренное ст. 110.2 УК РФ.

The article analyses such a socially dangerous act as incitement to suicide. The complicated criminal situation in this area dates back to 2016, and has no tendency to decrease at present. The dispositions of Articles 110, 110.1, 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation cause their different interpretations. So, it's not clear what indicia should be used to differentiate these corpora delicti. The author notes positive aspects as well as criticizes a number of provisions related to the criminal responsibility for a crime provided for by Art. 110 of the Criminal Code of RF.

Ключевые слова: преступления против жизни, самоубийство, призывы к суициду, распространение информации о способах самоубийства.

Keywords: crimes against life, suicide, appeals to the suicide, dissemination of information about ways of the suicide.

Состав преступления, предусмотренный ст. 110.2 УК РФ, является новеллой российского права. Диспозиция предусматривает уголовную ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

Отличие от доведения до самоубийства состоит лишь в том, что виновный не совершает действия в отношении конкретного лица, создавая общие условия реализации

суицида большим количеством потерпевших. Наиболее строгая ответственность установлена в ч. 2 ст. 110.2 УК РФ и имеет место в тех случаях, когда деяния, указанные в ч. 1, сопряжены с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

На указанные изменения законодателя подвигли обостренные ситуации с так называемыми «группами смерти», которые стремительно набирали популярность в начале

2017 г. Рассмотрение действий администраторов групп в социальных сетях, таких как: «Синий кит», «Разбуди меня в 4.20» и др., ставило в недоумение правоприменителей и было не ясно, каким образом квалифицировать действия администраторов «групп смерти»? Таким образом, до июня 2017 г. администраторы групп или лица, заинтересованные в продвижении в массы «культы смерти» и публичных призывах к доведению до самоубийства, не несли уголовную ответственность, т.к. их действия не подпадали под признаки ни одного состава преступления [3, с. 36].

Стоит отметить, что общественная опасность в данном случае заключается в том, что задания и «смертельные игры» направлены на неопределенное число лиц, в частности на несовершеннолетних, а в основной своей массе – на лиц, не достигших возраста 12 лет. Поэтому было целесообразно каким-либо образом декриминализовать действия лиц, осуществляющих деятельность, направленную на побуждение к подобному антисоциальному явлению, и привлекать их к уголовной ответственности, что возможно лишь при внесении дополнений в ст. 110 УК РФ либо изменении УК РФ, как и поступил законодатель.

Оперативность законодателя, стремление охватить правом новые явления заслуживают безусловной похвалы. Как отмечает О.В. Артюшина, криминализация деяний, подталкивающих несовершеннолетних к самоубийствам, поддерживается многими специалистами [1, с. 85]. Тем не менее в среде ученых действующая редакция статьи во многом была подвергнута критике, в связи с этим возникает необходимость говорить о теоретическом и практическом осмыслении и о дальнейшем совершенствовании статей УК РФ, связанных с доведением лица до самоубийства.

Одним из критикуемых нами положений является широкое толкование квалифицирующего признака «распространение информации о способах совершения самоубийства» в связи с тем, что отсутствует законодательное определение нормы, в частности, нет Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего положения, дающего

определения основных понятий и т.д. В законодательстве отсутствует определение «информация о способах самоубийства». Соответственно, под заложенным законодателем понятием возможно «обыденное» расширительное толкование и, казалось бы, упоминание таких понятий, как «вскрытие вен», «повешение», «выбрасывание из окна», и других способов самоубийства (которые повсеместно встречаются на страницах классической, художественной литературы, в СМИ, а также в специальных медицинских изданиях) является «распространением информации о способах совершения самоубийства».

Все же под «распространением информации о способах совершения самоубийства» следует понимать такие рекомендации и советы, которые, во-первых, прямо направлены на побуждение желания совершить самоубийство, а во-вторых, достаточны и необходимы (рекомендации) для наступления указанных в диспозиции статьи последствий. Например, пользователь социальной сети «Одноклассники» на своей личной странице публикует порядок изготовления смертельной медикаментозной дозы снотворного, советует оставить предсмертную записку, рассказывает о преимуществах смерти и т.п.

Кроме того, в описанных ранее ситуациях речь идет об ответственности администраторов и организаторов любых неформальных сообществ, в мессенджерах, социальных сетях и тому подобных интернет-ресурсах, деятельность которых направлена на побуждение к совершению самоубийства.

В связи с этим предлагаемые законодателем изменения в УК РФ не всегда являются эффективными в отношении истинных организаторов действий, направленных на склонение или содействие совершению самоубийства. Ведь до сих пор существует проблема расшифровки IP-адреса, который можно легко скрыть, а также возможно указать иное местонахождение, и не стоит исключать другие различные технические средства, которые могут позволить избежать ответственности.

При более тщательном исследовании становится очевидно, что под признаки преступления будут подпадать и пользователи сети,

страницы которых направлены на профилактику суицидов, в том числе путем объяснения истинных последствий таких действий. А также, учитывая «палочную систему», под уголовную ответственность могут попасть и продавцы веревок, ножей, родители, педагогические работники и многие другие лица.

Законодатель также предусмотрел и освобождение от уголовной ответственности: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее соответствующую преступную деятельность и активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1 настоящего Кодекса или настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Видится некая противоречивость с точки зрения согласованности с действующим законодательством: положение лиц, совершивших и совершающих общественно опасные деяния, запрещенные УК РФ под угрозой наказания, существенно улучшается вплоть до полного освобождения их от уголовной ответственности за уже совершенные и совершаемые преступления. Например, указания жертвам прыгнуть с большой высоты, лечь на железнодорожные пути, перебежать дорогу перед движущимся автомобилем, повеситься, отравиться, сделать глубокие порезы на руках и т.д. (а все это предлагается сделать жертвам посредством телефонной связи, через мессенджеры и социальных сети) лицами, совершающими подобные действия, даются исключительно с прямым умыслом и преследуют цель причинения смерти другому человеку либо двум и более лицам, которые являются наиболее незащищенными, а именно: малолетние, несовершеннолетние или иные лица, заведомо для виновных находящиеся в беспомощном состоянии. Содействие совершению самоубийства указанной категории граждан, казалось бы, является убийством, так как они по своему психическому развитию и психическому состоянию не понимают характер и значение совершаемых с ними действий и не могут оказывать сопротивление, то есть нахо-

дятся в беспомощном состоянии.

Но с внесением изменений в уголовное законодательство возможность квалификации подобных деяний по ст. 105 УК РФ исключается. Лица, уже совершившие и совершающие таким образом убийства, не подлежат уголовной ответственности за совершение указанных деяний и, соответственно, избегают наказания за их совершение, ведь закон обратной силы не имеет. При этом, казалось бы, неверной является и позиция законодателя относительно того, что подобные действия виновных лиц, совершающих убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, должны расцениваться как склонение к самоубийству или содействие совершению самоубийства и даже доведение до самоубийства с прямым умыслом.

В результате закрадывается мысль, что цели наказания, предусмотренные ст. 43 УК РФ, не достигаются. Кроме этого, казалось бы, деяния, предусмотренные ст. 110.1, ст. 110.2, в соответствии с действующим уголовным законодательством не являются и не могут являться преступлением, поскольку лицо, в отношении которого совершаются указанные деяния, то есть потерпевший, исходя из содержания приведенных статей, выступает соучастником этих деяний. Но УК РФ не предусмотрена уголовная ответственность за самоубийство или покушение на самоубийство, и, соответственно, склонение к совершению указанных действий не может являться преступлением, как, например, не может являться преступлением склонение потерпевшего к совершению мошенничества в его же отношении и т.п., поскольку такая формулировка является абсурдной (в соучастии с потерпевшим нельзя совершить преступление).

И самое главное: «социальный эффект», казалось бы, ведет к росту преступности в отношении несовершеннолетних, т.к. основными участниками «групп смерти» и подобных интернет-коммуникаций, имеющих деструктивную направленность, являются подростки.

По-прежнему остается много вопросов, касающихся различных элементов составов. Так, законодатель не дает определений поня-

тий «доведение до самоубийства», «склонение к самоубийству», «содействие самоубийству», используемых в диспозициях ст. 110, 110.1 УК РФ, что порождает их различное толкование и представляет собой пробел в праве, а в некоторых случаях даже коллизию.

Конец научным дискуссиям об определении понятий и разграничении составов мог бы быть положен Верховным Судом Российской Федерации.

Несмотря на введение ст. 110.2 УК РФ, которая имеет положительные стороны, возникает ряд вопросов, например, каковы признаки деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, как избежать ее широкой юридической трактовки.

В целом расширение уголовной ответственности за склонение, содействие, призывы и пропаганду самоубийства следует безусловно расценить как положительные шаги в развитии уголовного законодательства, направленные на усиление охраны жизни. Вместе с тем выделенные недостатки могут негативно сказаться на эффективности правоприменительной системы.

Таким образом, хотелось бы еще раз отметить, что самоубийство как важнейшая социальная проблема существует в нашем обществе очень давно. С массовым развитием телекоммуникационных технологий проблема доведения до самоубийства актуализировалась. В связи с этим был принят Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ, который дополнил УК РФ двумя новыми нормами об ответственности за посягательство на жизнь, а именно ст. 110.1 («Склонение к совершению самоубийства или содействие к совершению самоубийства») и ст. 110.2 («Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»). Кроме того, в ст. 110 УК РФ были включены и новые квалифицирующие признаки.

Возрастающая потребность общества и правового государства в высокоэффективной уголовно-правовой репрессии требует реально наиболее наукоемкого анализа и нормативного формулирования законодателем понятия, сущности, системы, оптимальной разработки принципов и правового механизма эффективной реализации уголовной ответственности. Поскольку все присутствующее разнообразие, противоречивость, полемика и дискуссионность концепций по проблемам уголовной ответственности не могут не сказываться негативным образом на правоприменительной практике [2, с. 61].

В результате исследования удалось понять лишь одно: законодательство не может быть «идеально вымеренным», а также не может отвечать всем требованиям и потребностям данного общества в ту или иную секунду, т.к. сами общественные отношения развиваются ежедневно.

В заключение исследования можно прийти к выводу о том, что, несмотря на то, что уголовное законодательство развивается параллельно социальной практике, предусматривая уголовную ответственность за новые общественно опасные социальные явления, на практике реализация новых положений уголовного закона вызывает множество вопросов. Так, в аспекте уголовно-правовой охраны здоровья и жизни человека, исследуемого с позиции уголовно-правовой регламентации новых противоправных деяний, остаются недостаточно понятными и юридически точными, в связи с чем требующими повышенного законодательного внимания и нормативного закрепления, как уже имеющиеся дефиниции (ст. 110 УК РФ), так и закрепленные в новых составах, в частности ст. 110.1, 110.2 УК РФ.

Библиографический список

1. Артюшина, О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению / О.В. Артюшина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 85-92.

2. Дворецкий, М.Ю. Эффективность реализации уголовной ответственности в контексте государственно-правовой политики России / М.Ю Дворецкий // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. – 2015. – № 1(09). – С. 60-62.
3. Крылова, Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты / Н. Е. Крылова // Уголовное право. – 2016. – № 4. – С. 36-48.